

Н.Ю. Лукс

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В РЕГИОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Ключевые слова: бизнес, региональная власть, модель взаимодействия, Крайний Север

На Крайнем Севере представлены крупные частные и государственные компании, относящиеся ко всем ведущим отраслям российской экономики. Исторически, а также под влиянием сложившихся институциональных условий политическая роль корпораций на Севере велика. Их подразделения часто оказываются градообразующими предприятиями, которые обеспечивают значительную долю доходов региональных и местных бюджетов, финансируют социальные и экологические программы. Другие финансовые источники решения проблем северных территорий, как правило, невелики.

Разумеется, речь идет не столько о благотворительности, сколько о необходимости и стремлении к получению выгоды. Так, при выходе на новые месторождения в неосвоенных северных регионах компания должна строить дороги, социальные объекты и т.п. (либо договориться об их строительстве с государством), поскольку без этого невозможно начать производственную деятельность, привлечь работников. Вместе с тем успех корпораций во многом зависит от взаимоотношений с органами государственного управления, в том числе регионального уровня.

Следует оговориться, что в последние годы заинтересованность крупного бизнеса в региональной власти стала менее выраженной. Это связано как с передачей в компетенцию федерального центра вопросов недропользования для наиболее ценных полезных ископаемых (что лишило губернаторов возможности по своему усмотрению распределять нефтеносные и иные привлекательные для компаний участки), так и с существенным урезанием полномочий регионов в налоговой сфере: если раньше регион мог полностью освободить корпорацию от причитающейся ему доли налогов на прибыль, то теперь он вправе лишь сократить ее на 4 процентных пункта. Тем не менее, учитывая слабую институционализацию взаимоотношений власти и бизнеса и отсутствие четких «правил игры», корпорации вынуждены уделять немало внимания выстраиванию отношений с региональными властями, ибо последние могут создать для компании режим наибольшего благоприятствования, обеспечивая приоритетный доступ к стратегически важной информации и закрывая глаза на допущенные ею нарушения, либо, напротив, существенно осложнить ее деятельность посредством постоян-

ных проверок со стороны налоговых органов, жесткого контроля над соблюдением экологического законодательства и т.д.

Как показывает практика, прежде чем начать свою деятельность в том или ином регионе бизнес тщательно изучает сложившуюся там ситуацию и собирает детальную информацию о раскладе сил внутри местного чиновничества и взаимоотношениях между чиновниками и различными бизнес-группами, а придя в регион, постоянно работает в его информационном поле. Во многих российских компаниях имеются специальные GR-подразделения¹. К числу используемых ими механизмов выстраивания отношений с региональными органами власти относятся:

¹ Яковлев 2007.

- прямые контакты с лицами, принимающими решения (на формальном и неформальном уровнях);
- взаимодействие с региональными СМИ;
- мониторинг регионального законодательства;
- участие в комитетах и советах при региональных органах власти;
- организация и проведение круглых столов с представителями власти.

Своеобразной формой институционализации взаимоотношений власти и бизнеса выступают соглашения о сотрудничестве, в рамках которых устанавливаются взаимные обязательства сторон. Наличие или отсутствие такого соглашения нередко говорит о готовности или, напротив, неспособности власти и бизнеса наладить конструктивное взаимодействие.

Региональные власти навязывают бизнесу и такие формы сотрудничества, как «добровольные взносы» (дополнительные платежи в бюджет либо специально созданные фонды) и спонсорство (участие в финансировании тех или иных проектов). К аналогичным схемам прибегают и муниципальные власти. Однако подобного рода «социальная ответственность» зачастую оказывается слишком обременительной для бизнеса, вынуждая его идти на конфликт с властью.

² См. Иванова 2006.

Ситуация зависимости от власти заставляет бизнес не просто выстраивать отношения с региональным истеблишментом, но и активно участвовать в политической жизни регионов², в том числе путем формирования властных команд и проведения своих представителей на посты губернаторов. Постсоветская история северных сырьевых регионов России знает немало подобных примеров. Речь идет, естественно, о выдвиженцах ведущих компаний федерального уровня. Среди них губернатор Таймырского АО (2001—2002 г.), а затем Красноярского края (2002—2010 г.) А.Хлопонин («Норильский никель») и сменивший его на последнем посту Л.Кузнецов («Норильский никель»), губернатор Эвенкийского АО (в 2001—2006 г.) Б.Золотарев («ЮКОС»), президент Республики Саха (2002—2010 г.) В.Штыров («АЛРОСА»), губернатор Мурманской области (с апреля 2012 г.) М.Ковтун (Кольская горно-металлургическая компания).

На муниципальном уровне данная тенденция проявляется еще отчетливее. В сырьевых регионах севера страны мэры многих городов

непосредственно связаны с градообразующим предприятием (как правило, принадлежащим крупной корпорации). Так, нынешний глава Нефтяганска В.Бурчевский (как и его предшественник С.Буров) является ставленником «РН-Юганскнефтегаза»; глава Норильска О.Курилов пришел на этот пост с должности зам. директора по персоналу и социальной политике заполярного филиала «Норильского никеля»; глава Сургута Д.Попов был начальником управления по работе с кадрами «Сургутнефтегаза». Очевидно, что в такой ситуации заключенные на формальном уровне соглашения о сотрудничестве между компаниями и администрациями дополняются неформальными договоренностями.

На формирующиеся в регионах модели взаимодействия бизнеса и власти³ значимое влияние оказывают такие переменные, как:

- ресурсная база региона;
- доминирующее/зависимое положение власти;
- сила/слабость экономических акторов;
- инициативная/реактивная позиция власти в выстраивании отношений с бизнесом;
- готовность власти и бизнеса к взаимным компромиссам.

Различные сочетания выделенных переменных могут приводить к становлению совершенно разных моделей.

Следуя классификации, предложенной Р.Туровским⁴, можно выделить три основные модели взаимодействия бизнеса и власти, различающиеся по степени сращивания деловых и властных элит и уровню конфликтности:

- симбиотическую (выраженное сращивание власти и бизнеса, как правило, при наличии доминирующего игрока, но с учетом интересов бизнес-групп, не представленных во власти);
- функциональную (взаимное дистанцирование власти и бизнеса и автономное решение ими своих задач с включением механизма партнерских отношений в случае возникновения общей необходимости);
- конфликтную (борьба за ресурсы с использованием политических рычагов, предоставление преференций одним бизнес-группам при подавлении других).

Рассмотрим модели взаимодействия власти и бизнеса на примере Республики Коми. Республика относится к сырьевым регионам с диверсифицированной экономикой, предполагающей присутствие множества финансово-промышленных групп. Среди представленных в Коми ФПГ, активно влияющих на политико-экономические процессы в республике, особенно выделяются ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» (далее — ЛУКОЙЛ) и «Северсталь-групп» (далее — «Северсталь»).

Модель взаимодействия региональной власти с ЛУКОЙЛом изначально носила *функциональный характер*. С целью установления сбалансированных партнерских отношений с бизнесом, а также повышения его социальной ответственности власти Коми еще в 1999 г. внедрили практику подписания долгосрочных соглашений с крупными корпора-

³ Под моделью взаимодействия бизнеса и власти в данном случае понимается совокупность формальных и неформальных норм, правил и практик, утвердившихся на определенной территории (см. Лапина 2000).

⁴ См. Туровский 2005, 2009.

циями с ежегодно обновляемыми протоколами к ним. Во всех трех соглашениях, заключенных с ЛУКОЙЛом (1999, 2002 и 2006 гг.), подчеркивалось намерение руководства РК оказывать содействие компании на территории республики, обеспечивать ей благоприятный инвестиционный режим. В свою очередь, компания обещала инвестировать в экономику Коми, участвовать в социальных проектах и т.д. Так, в соглашении 2006 г. затрагивались вопросы, связанные с повышением эффективности топливно-энергетического комплекса республики, наращиванием ее производственного потенциала, развитием минерально-сырьевой базы, рациональным использованием природных ресурсов, поддержанием социальной стабильности, повышением благосостояния населения, улучшением экологической ситуации⁵.

⁵ <http://rosinvest.com/novosti/241371>.

⁶ <http://www.zyryane.info/default.html?name=Pages&go=print&pid=4779>.

С 2003 г. в ежегодных протоколах к соглашениям указывалось, какая часть отчислений ЛУКОЙЛа по налогу на прибыль будет оставаться в республике⁶. Величина отчислений напрямую увязывалась с двумя параметрами: мировыми ценами на нефть и количеством сырья, добываемого на территории Коми.

Постепенно, однако, модель взаимодействия между региональной властью и ЛУКОЙЛом стала приобретать очертания *симбиотической*. В обмен на предоставляемые корпорацией финансовые ресурсы и участие в социальном и экономическом развитии региона руководство РК начало (с 2006 г.) проводить в отношении ее политику преференций, предоставляя ей налоговые льготы и закрывая глаза на допускаемые ею нарушения экологического законодательства. Более того, когда осенью 2006 г., после обнаружения вокруг разрабатываемых ЛУКОЙЛом нефтяных месторождений ряда загрязненных нефтепродуктами участков, Росприроднадзор принял решение об отзыве 19 заключенных с компанией лицензионных соглашений, глава РК В.Торлопов тут же бросился на ее защиту, заявив, что выявленные нарушения «носят чисто технический, а не системный характер, и работники ЛУКОЙЛа устранят их качественно и оперативно»⁷. Выступая в поддержку компании, Торлопов делал упор на то, что ЛУКОЙЛ является одним из самых дисциплинированных налогоплательщиков, обеспечивающим ежегодный прирост отчислений в бюджеты всех уровней, и активно сотрудничает с республиканскими и муниципальными органами власти, внося существенный вклад в социальное развитие территорий.

⁷ <http://monitoring.carnegie.ru/2006/12/komi/konstantinov-igor-respublika-komi-v-2006-m-godu/>.

Не менее показательный пример — внесение правительством Коми поправок в закон «О налоговых льготах на территории Республики Коми», предусматривающих включение в список получателей преференции компаний нефтяной отрасли, ежегодно добывающих на территории республики не менее 7 млн. тонн нефти либо перерабатывающих не менее 3 млн. тонн. Ставка налога на прибыль снижалась для них на 4 процентных пункта (с 17,5% до 13,5%), ставка налога на имущество — на 30%. Половину сэкономленной суммы получатель льгот должен был направлять на социальные нужды и строительство дорог⁸. Поскольку обозначенным в законопроекте критериям отвечали только

⁸ <http://monitoring.carnegie.ru/wp-content/uploads/2007/08/2006-november-komi-konstantinov-i.doc>.

ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» и ОАО «ЛУКОЙЛ-Ухтанефтепереработка», не вызывает сомнений, что он изначально был подготовлен именно под ЛУКОЙЛ. По различным подсчетам, сумма льгот предприятиям компании должна была составить от 600 до 900 млн. рублей в год⁹.

Симбиотические отношения региональной власти с ЛУКОЙЛом сохранялись вплоть до 2008 г., однако после начала мирового финансово-экономического кризиса между сторонами обозначились острые противоречия, в конечном итоге приведшие к «необъявленной войне» руководства РК против нефтяной компании¹⁰.

Поводом послужило решение ЛУКОЙЛа оптимизировать свои налоги в Коми (прежде всего налог на прибыль), что грозило республике потерей до трети бюджетных доходов. 2008 г. должен был стать рекордным по вкладу ЛУКОЙЛа в республиканский бюджет, но с наступлением кризиса цены на нефть поползли вниз. Так называемые «ножницы Кудрина» (фискальный эффект, возникающий в результате расчета налоговой нагрузки на нефтедобывающие компании исходя из мировых цен на нефть за предшествующие два месяца), ранее выгодные для нефтяных компаний, теперь сулили им громадные убытки. Поскольку к декабрю 2008 г. цена на нефть снизилась в 3,3 раза (по сравнению с июлем), переплата ЛУКОЙЛа в республиканский бюджет составила примерно 2,7 млрд. руб.¹¹, и компания подала декларацию об их возврате. В ходе обсуждения возникшей проблемы в феврале 2009 г. стороны вроде бы договорились о компромиссном варианте — компенсировать переплату 2008 г. недоплатами в 2009 г.¹², но затем республиканские власти решили обязать ЛУКОЙЛ производить отчисления в региональный бюджет с «чистого листа».

Как отмечает А.Чирикова, сталкиваясь с дефицитом бюджетных средств, региональные власти склонны прибегать к «государственному рэкету»¹³ по отношению к бизнесу. Для принуждения его к участию в решении социально-экономических проблем региона используется широкий набор формальных и неформальных инструментов. Одним из таких инструментов является контроль региональных властей над различного рода проверяющими инстанциями (экологическими, пожарными и т.д.), которые «всегда могут быть задействованы против отдельных экономических структур»¹⁴.

В качестве средства давления на ЛУКОЙЛ руководство РК активно использовало природоохранный козырь. В марте 2009 г. на трубопроводе «Кыртаель — Чикшино» произошла крупная авария, в результате которой из него было слито порядка 4 тыс. кубометров нефти¹⁵. Через неделю после слива компания заявила о полном устранении последствий аварии, однако прокуратура подвергла эту информацию сомнению, возбудив уголовное дело по статье 247 («Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»)¹⁶.

31 марта 2009 г. распоряжением Торлопова была создана рабочая группа по проблемам эффективного, рационального природопользования и инвентаризации природных объектов. В связи с аварией на тру-

⁹ <http://www.zyryane.info/default.html?name=Pages&go=print&pid=4779>.

¹⁰ <http://monitoring.carnegie.ru/2009/07/komi/konstantinov-may-2009/>.

¹¹ <http://monitoring.carnegie.ru/2009/11/komi/konstantinov-osen-2009/>.

¹² <http://www.zyryane.info/default.html?name=Pages&go=print&pid=4779>.

¹³ Чирикова 2009: 54.

¹⁴ Фридман 2008: 83.

¹⁵ <http://www.bnkomi.ru/data/news/3851/>.

¹⁶ <http://monitoring.carnegie.ru/2010/02/komi/konstantinov-2009/>.

бопроведе «Кыртаель — Чикшино» депутат Госдумы Е.Самойлов предложил разработать методику расчета ущерба от загрязнения земель, с тем чтобы органы надзора и контроля имели законные основания для предъявления виновным в нарушении земельного законодательства требований по возмещению причиненного ими вреда окружающей среде¹⁷.

¹⁷ <http://pma.bnkomi.ru/data/news/2288>.

Очередным шагом в войне региональной власти против ЛУКОЙЛа стало внесение (9 апреля 2009 г.) в Основной закон РК поправки, в соответствии с которой ответственность за «надлежащее владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами» возлагалась не только на собственников, но и на «иных лиц», то есть на арендаторов (к которым относится ООО «ЛУКОЙЛ-Коми») ¹⁸. В мае того же года Торлопов поручил Минприроды республики проработать механизм приостановки либо прекращения по решению суда функционирования производственных объектов, систематически нарушающих природоохранное законодательство. Кроме того, министерству предписывалось в ежеквартальном режиме анализировать исполнение компаниями-недропользователями лицензионных соглашений, особенно в части охраны окружающей среды, и ежемесячно готовить доклады о положении дел в добывающей отрасли ¹⁹.

¹⁸ <http://pma.bnkomi.ru/data/news/2462>.

¹⁹ Там же.

Однако все эти меры не дали желаемого результата, и подписанный 6 сентября 2009 г. ежегодный протокол к рамочному договору о сотрудничестве между правительством РК и ЛУКОЙЛом, по сути, стал актом капитуляции руководства республики. Согласно этому протоколу, сумма отчислений ЛУКОЙЛа в региональный бюджет уменьшилась в два раза по сравнению с 2008 г. ²⁰

²⁰ <http://www.zyryane.info/default.html?name=Pages&go=print&pid=4779>.

Отношения региональных властей с другим ведущим налогоплательщиком региона — «Северсталью» — всегда были непростыми, и с наступлением кризиса они приобрели отчетливо выраженный *конфликтный характер*.

Как и в случае с ЛУКОЙЛом, взаимоотношения между властями региона и «Северсталью» регулировались специальными соглашениями, к которым прилагались ежегодно обновляемые рабочие протоколы, где оговаривались взаимные обязательства сторон по развитию Воркутинского угледобывающего района. Первое соглашение (сроком на три года) было подписано в 2003 г., второе — в 2006 г. Однако затем между республиканским правительством и компанией возник, по выражению нынешнего главы региона В.Гайзера, «некий временный момент недопонимания, вызванный, в том числе, финансовыми трудностями» ²¹. Главной причиной «недопонимания» стала проводимая «Северсталью» политика оптимизации расходов. Снижая издержки, компания последовательно сокращала численность работников и избавлялась от непрофильных активов.

²¹ <http://www.komiinform.ru/news/64789>.

Особенно сложная обстановка складывалась в Воркуте. В апреле 2009 г. добывающее подразделение «Северстали» «Воркутауголь» при-

²² Гендиректор б.г.

няло антикризисную программу, важнейшими составляющими которой были массовые увольнения и передача на бюджет муниципалитета двух крупнейших объектов соцкультбыта — спортивного комплекса «Олимп» и Дворца культуры шахтеров²². Напряжение в городе нарастало, грозя перерасти в массовые акции протеста.

²³ Встреча б.г.

К сентябрю 2009 г. конфликт республиканских властей с «Северсталью» настолько обострился, что Торлопову пришлось обратиться за помощью к президенту страны. Выслушав рассказ главы РК о сложившейся ситуации, Д.Медведев попросил его «отдельно» доложить о результатах переговоров с гендиректором «Северстали» А.Мордашовым, подчеркнув, что, если вопросы трудоустройства или выплат заработной платы начинают выходить из-под контроля, главы регионов должны вести работу с предприятиями в «ручном режиме»²³.

²⁴ <http://bnkomi.komiinform.ru/data/news/4536>.

Вмешательство федерального центра принесло свои плоды. В 2010 г., после четырехлетней паузы, между правительством РК и «Северсталью» было подписано новое соглашение, в соответствии с которым численность работников «Воркутаугля» не могла сокращаться без согласования с властями. Кроме того, компания гарантировала выполнение Федерального отраслевого соглашения и Территориального соглашения по угольной отрасли Воркуты, а также свое участие в реализации республиканской программы по снижению напряженности на рынке труда. Правительству Коми удалось добиться от «Северстали» и еще одной принципиальной уступки, обязав ее предоставлять ежемесячные фактические и ежеквартальные прогнозные данные о начисленных и выплаченных налогах в республиканский бюджет, сведения о производственно-хозяйственной деятельности и ежеквартальную бухгалтерскую отчетность. В свою очередь, власти региона обещали рассмотреть возможность предоставления угольным предприятиям Воркуты льгот по уплате налога на имущество. Отдельное соглашение было подписано между администрацией муниципалитета и «Воркутауглем», которому пришлось согласиться на участие в содержании как спорткомплекса «Олимп», так и Дворца культуры шахтеров²⁴.

Вместе с тем в документе не была затронута очень важная и болезненная для РК тема: там ничего не говорилось о трудоустройстве людей, уволенных с предприятия, и о переселении шахтерских вдов.

До 2005 г. переселение родственников погибших шахтеров осуществлялось за счет федеральной казны. Однако в декабре 2004 г. правительством РФ было принято постановление «О перечне мероприятий по реструктуризации угольной промышленности и порядке их финансирования», исключившее данную категорию граждан из числа льготников, имеющих право на переселение за госсчет. Еще раньше, в 2003 г., с вступлением в силу поправок в федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», вдовы шахтеров были лишены права на получение жилья в первоочередном порядке.

Попытки руководства РК добиться от «Северстали» участия в решении проблемы шахтерских вдов не увенчались успехом. Более того, она отказалась участвовать и в реализации пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера, инициированного правительством РФ осенью 2008 г. Подобная позиция «Северстали» вызвала недовольство со стороны федеральных властей. Негативно оценив ее курс на свертывание корпоративных социальных программ, глава Минпромэнерго Н.Герасимов заявил, что «мы будем дожимать компанию до конца»²⁵.

²⁵ http://psgazeta.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=34&Itemid=1.

²⁶ <http://www.severstal.com/rus/media/news/document5942.phtml>.

Подключение федерального центра позволило сломить сопротивление «Северстали», и в марте 2011 г. она и ее дочернее предприятие «Воркутауголь» согласились взять на себя финансирование переселения семей горняков, погибших на производстве, в равных долях с государством²⁶.

* * *

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что институциональная среда северных территорий развита недостаточно. Институты, необходимые для поддержания партнерских отношений между государством, бизнесом и обществом, малоэффективны или вообще отсутствуют. Взаимоотношения между властью и бизнесом строятся на основе соглашений, заключаемых с ключевыми бизнес-игроками на региональном и местном уровнях в ходе, как правило, кулуарных переговоров.

На характер взаимоотношений власти и крупного бизнеса влияет целый ряд разнообразных факторов, в том числе объем и значимость активов и ресурсов, находящихся в распоряжении соответствующей компании. Немаловажную роль играют также особенности проводимой губернаторами политики, способность или неспособность региональных властей наладить взаимодействие с бизнес-структурами.

Проведенный анализ показывает, что на Крайнем Севере представлены все три модели взаимодействия власти и бизнеса — функциональная, симбиотическая и конфликтная (см. *табл. 1*), причем в случае реализации конфликтного сценария региональные власти проигрывают крупным корпорациям. В свою очередь, симбиотическая модель оборачивается неоправданными предпочтениями отдельным бизнес-группам.

Таблица 1 Модели взаимоотношений власти и бизнеса в Республике Коми

Глава региона	ЛУКОЙЛ	«Северсталь»
Ю.Спиридонов	функциональная	—
В.Торлопов	симбиотическая конфликтная (с 2008 г.)	конфликтная
В.Гайзер	функциональная	функциональная

В российском социальном и правовом пространстве отсутствуют устойчивые «правила игры», адекватные механизмы разрешения противоречий между властью и бизнесом, гарантии последнему со стороны власти, действенная система ответственности бизнеса перед государством и обществом. В сложившихся условиях федеральному центру приходится брать на себя функции арбитра и вмешиваться в ситуацию как при установлении симбиотических отношений, так и при возникновении конфликта. Однако такое вмешательство обычно носит локальный характер и нацелено на решение краткосрочных задач.

В наиболее уязвимом положении находится муниципальная власть. После принятия в 2003 г. закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на муниципальный уровень было передано множество обязательств. При этом были проигнорированы климатические, географические, демографические, экономические особенности северных территорий: огромные расстояния, низкая плотность населения, моноотраслевой характер экономики, высокий уровень депрессивности многих районов и поселений, особый уклад жизни коренного населения и др. В условиях, когда порядка 70% муниципальных образований на Крайнем Севере являются дотационными и доля их собственных доходов в структуре бюджета имеет тенденцию к снижению, для местной власти исключительную важность приобретает взаимодействие с бизнесом, который использует эту ситуацию в своих интересах. Решая социальные проблемы территорий, он зачастую устанавливает над ними тотальный контроль, формируя городские советы и проводя своих ставленников в исполнительные органы муниципальных образований.

На наш взгляд, в настоящее время на Крайнем Севере начала складываться новая модель взаимодействия региональной власти и бизнеса, включающая в себя элементы всех трех рассмотренных выше (то есть симбиотической, функциональной и конфликтной). К основным составляющим данной модели, которую можно обозначить как модель полицентрического взаимодействия, относятся:

- главенствующая роль федерального центра в регулировании отношений между бизнесом и властью в условиях увеличения числа бизнес-акторов;
- слабая институционализированность отношений между властью и бизнесом, отсутствие четких «правил игры»;
- персонифицированный, непрозрачный характер отношений между властью и бизнесом, наличие неформальных договоренностей, что создает условия для манипулирования контролем и избирательного применения стимулов и санкций;
- зависимость отношений между бизнесом и властью как от внешних обстоятельств (например, экономической ситуации), так и от внутрисредовых факторов (смена губернатора).

Библиография

Встреча с главой Республики Коми Владимиром Торлоповым (<http://президент.рф/news/5354>).

Гендиректор «Воркутауголя» Вадим Ларин: «Нам пришлось отказать от помощи городу» (<http://bing.cowwww.bnkomu.ru/data/news/4127>).

Иванова И.Г. 2006. *Институционализация отношений власти и бизнеса в современной России: Особенности и тенденции*. Автореферат дис. на соискание уч. степени к.полит.н. — М.

Лапина Н.Ю. 2000. Модели взаимодействия бизнеса и власти в российских регионах и типы предпринимательского делового поведения // Чирикова А.Е. (ред.) *Российское предпринимательство: стратегия, власть, менеджмент*. — М.

Туровский Р.Ф. 2005. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональных элит // *Региональная элита в современной России*. — М.

Туровский Р.Ф. 2009. Региональные политические режимы в России: К методологии анализа // *Полис*. № 2.

Фридман Ю. 2008. Оценка уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики // *Регион: экономика и социология*. № 3.

Чирикова А.Е. 2009. *Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики: на пороге перемен*. — М.

Яковлев А. 2007. Российская корпорация и региональные власти: модели взаимоотношений и их эволюция // *Вопросы экономики*. № 1.